

Список литературы:

1. Голод в Средневолжском Крае в 20–30-е годы XX века. Т. 1. Голод в Самарской губернии в 20-е годы XX века: сборник документов ГБУСО «Самарский областной государственный архив социально-политической истории», ГБУСО «Центральный государственный архив Самарской области». Самара, 2014. 513 с.
2. На фронте голода. Издание Самарской губернской комиссии помощи голодающим. Самара, 1922. 121 с.
3. Аншакова Ю.Ю. Гуманитарная деятельность Шведского Красного Креста в России во время голода начала 1920-х годов // Российская государственность: от истоков до современности: материалы международного науч. конф. Самара, 13–15 сентября 2012 г. Самара: Издательство Самарского научного центра РАН, 2012. С. 448–453.
4. Чекова Т.И. Помощь стран Северной Европы в борьбе с голодом 1921–1922 гг. на территории Самарской губернии // Краеведческие записки. Выпуск IX. Самара, 2000. С. 47–54.
5. Поляков В.А. Голод в Поволжье, 1919–1925 гг.: происхождение, особенности, последствия. Волгоград, 2007. Гл. 2. 735 с.
6. Бюллетень ЦК Помгол ВЦИК. М., 1921. № 1. С. 39–44.
7. Национальный архив Швеции. Riksarkivet. SKR/Byrån för hjälpverksamhet i Ryssland/F/Vol. 1.
8. Деятельность Самарской губернской комиссии помощи голодающим по отчетам (за декабрь 1921 г. – июнь 1922 г.). Самара, 1922. С. 78–79.
9. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. Р. 79. Ф. 1. Д. 24, лл. 316–317.
10. Бенгт Янгфельдт. От варягов до Нобеля. Шведы на берегах Невы. М.: Издательство «Ломоносовъ», 210. 399 с.
11. Riksarkivet. SKR/Byrån för hjälpverksamhet i Ryssland/F/Vol. 6.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1058. Оп. 1. Д. 333. Л. 43.
13. О деятельности Ф. Нансена по оказанию помощи голодающим в России (1921–1922 гг.) // Исторический архив, 1962. № 3. С. 66.
14. ГАРФ. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 688. Л. 14–16.
15. Антонов-Овсеенко «Истинно-культурная работа», Коммуна, 1922, 04 февраля. 1 с.
16. Folkets Dagblad Politiken, 1922, 23 января. 2 с.
17. Бюллетень ЦК Помгол ВЦИК. 1922. № 5–6–7. С. 15.
18. Riksarkivet. SKR/Byrån för hjälpverksamhet i Ryssland/F/Vol. 2.
19. Отчет о деятельности Шведского Красного Креста в России // ГАРФ. Ф. 1064. Оп. 6. Д. 88. Л. 14.

**ORGANIZATIONAL STRUCTURE OF THE SWEDISH RED CROSS MISSION
TO ASSIST THE STARVING SAMARA PROVINCE DURING THE FAMINE OF 1921–1923**

© 2018

Tsidenkov Grigory Gennadievich, candidate of sociological sciences,
associate professor of Management and Service Department
Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

Abstract. In the period from December 1921 to August 1923 in the Samara Region, the expedition of the Swedish Red Cross carried out humanitarian activities. The paper presents the personnel structure and the principles of the expedition management. The paper also presents the staff and the principles for the expedition management. The staff of the expedition are personified with their positions and responsibilities. The author specifies the reasons for the growing increase in the expedition staff. The basic data presented in the paper is a result of a three-month research at the National Archives of Sweden (Riksarkivet). The paper presents the point of view of the Soviet authorities on the effectiveness of the work of the Swedish Red Cross. All the main administrative districts of the Samara province, where the Swedish Red Cross delegates worked, are specified. The materials, presented in the paper, expand our understanding of the activities of foreign humanitarian missions in the Volga Region in 1921–1923 and can be used to analyze the effectiveness of the expedition of the Swedish Red Cross in the Samara province in this period.

Keywords: famine of 1921–1923; foreign aid; Swedish Red Cross; International Committee for Russian Relief; Swedish Red Cross expedition; Samara province; management; organizational structure; food distribution; Industrial assistance.

УДК 908(470)

Статья поступила в редакцию 23.09.2017

КОНОКРАДСТВО В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1923–1925 ГОДАХ

© 2018

Гизатулин Шамиль Тахирович, кандидат исторических наук
*Главное управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Самарской области
(г. Самара, Российская Федерация)*

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема конокрадства в Самарской губернии в 1923–1925 гг. Проведено изучение причин, динамики краж лошадей в регионе, а также мер борьбы органов правопорядка с данным криминальным явлением. В работе указаны факторы, способствовавшие, наряду с общими неблагоприятными социально-экономическими условиями начала 1920-х годов, росту данного вида преступности в регионе. На основе статистических показателей милиции и уголовного розыска изучены способы краж лошадей в губернии, причины роста данного вида преступности в 1923 г. и снижения к концу 1925 г. Рассмотрены проблемы профессионального конокрадства и этнической преступности (криминальная актив-

ность представителей тюркских народов). Выявлены и раскрыты сезонные и территориальные особенности распространенности краж скота. Установлены «центры» конокрадств в губернии (Самара, Самарский и Бугурусланский уезды). Проанализировано состояние и эффективность деятельности милиции и уголовного розыска Самарской губернии по борьбе с данным видом преступности. Указаны недостатки в организации деятельности местных органов власти, правопорядка и суда. Рассмотрены меры, предпринятые губернскими властями по борьбе с конокрадством в рассматриваемый период.

Ключевые слова: конокрадство; кражи скота; факторы преступности; неурожаи; правоохранительные органы; милиция; уголовный розыск; сельсоветы; профессиональная преступность; уголовная статистика; динамика преступности; сезонность преступности; территориальная распространенность; Самарская губерния; уезды; город Самара.

Кражи скота, в первую очередь лошадей, имеют давнюю криминальную историю и были до недавнего времени одним из распространенных видов имущественных преступлений.

Изучение материалов губернских органов правопорядка показало, что конокрадства являлись одним из значимых элементов криминальной обстановки в Самарской губернии [1, л. 100].

В справке о работе губернского уголовного розыска за 1 половину 1923 года отмечалось: «В прошлом году (в 1922 году – прим. авт.) конокрадство приняло особенно наглые и дерзкие формы. Среди бела дня с Советской улицы (одна из центральных улиц города Самара – прим. авт.) уводили лошадей вместе с пролётками, пользуясь минутной отлучкой кучера» [2, с. 2].

В докладной записке начальника губернского уголовного розыска «Конокрадство и борьба с ним» указаны следующие причины распространения конокрадств: «... развитию его (конокрадства – прим. авт.) служит ряд причин, из которых в первую очередь – является недород, неправильное применение существующих методов борьбы с ним, бессилие на местах милицейского аппарата и, наконец, отсутствие самодеятельности самого крестьянства» [3, л. 30].

Изучение материалов архивных позволило также отнести к числу факторов, способствовавших усилению конокрадств, следующие:

– Относительная простота совершения ското- и конокрадств в сочетании с высокой доходностью этого криминального промысла. Анализ материалов показал, что преступники в основном похищали животных из крестьянских дворов или уводили с полей скот, оставленный на подножный корм. Типичным для губернии являлся следующий случай. С 30 сентября на 1 октября 1924 года у трех граждан села Яблоневый Овраг Дубово-Уметской волости Самарского уезда с подножного корма похищены 5 лошадей, у гражданина с. Черноречья той же волости со двора похищены 2 лошади [4, л. 2].

Кражи скота с применением насилия или оружия были редким явлением. Следует учесть, что стоимость лошадей была достаточно высокой и для их приобретения, с учетом низкой заработной платы служащих, требовались значительные средства. Так, стоимость лошадей на базарах губернии весной 1925 года колебалась от 90 до 200 рублей [5, с. 3; 6, с. 3], при том, что средняя зарплата работников промышленности в стране составляла порядка 27 рублей [7, с. 343].

– Криминальный профессионализм. Изучение архивных материалов показало, что в преступной среде губернии сложился класс профессиональных конокрадов, оперировавших в нескольких уездах и имев-

ших криминальные связи в соседних регионах [8, л. 8–8 об; 9, л. 55]. В материалах губернской прокуратуры отмечалось: «... изучение методов "работы" конокрадов приводят к выводу, что... значительная часть конокрадов является профессионалами, нередко объединенными в организации...» [1, л. 15 об.]. В докладе о деятельности Бугурусланского уездного отделения уголовного розыска за период с 1 октября 1923 года по 1 октября 1924 года подчеркивалось: «... конокрады ... учитывают каждый период времени года и перекидывают свою преступную деятельность то в уезд, то из уезда в город и кроме того, меняя места совершения преступных деяний в уезде, дабы тем самым усыпить бдительность карательных органов, в частности Угол. розыска» [9, л. 29].

– Проблемы в работе местных органов власти. В материалах губернской прокуратуры отмечались недостатки учета и регистрации сообщений о преступлениях: «... много бывает случаев, что граждане, заявившие в Сельсовет о пропавшей лошади и т.д. ... и в результате со стороны Сельсовета не принимаются никаких мер и заявления валяются неделю, месяц и более...» [10, л. 15]. Актуальной оставалась проблема достоверности и сохранности учетных документов на скот, в первую очередь конских карточек [11, л. 409–409 об; 3, л. 30–30 об; 12, л. 414]. В докладе о состоянии и деятельности Бугурусланского отделения уголовного розыска за август 1923 года сообщалось: «... действительность того или иного документа на скот установить весьма трудно, а иногда совершенно невозможно ввиду того, что документы от долгого их употребления и небрежного обращения теряют свое прямое назначение ... на документах делаются всевозможные пометки, зачеркивания и исправления, ничем не обоснованные» [13, л. 204].

– Недостатки в реализации карательной политики, выразившиеся в мягких приговорах конокрадам, многие из которых после освобождения возвращались к своему преступному «ремеслу» [10, л. 15; 12, л. 414]. Изучение судебной практики в 1923–1924 гг., проведенное губернской прокуратурой, показало: «... конокрады обычно осуждались на срок от 2-х до 4-х лет; но фактически они действительно отбывали наказание не более одного года. Причиной этого являлись ежегодные амнистии» [1, л. 11–11 об.].

При изучении архивных материалов выяснились недостатки уголовной статистики. Во-первых, не все факты ското- и конокрадств становились известны и своевременно регистрировались правоохранительными органами [10, л. 15; 11, л. 157 об.–158]. Во-вторых, при регистрации краж скота имел место и «двойной учет» преступлений. Случалось, что один факт конокрадства регистрировался дважды, по месту совершения кражи и месту обнаружения краденного скота [1, л. 6]. Данная ситуация была характер-

на для Самары; так, в 1 квартале 1923 года на долю губернского центра приходился 61% всех зарегистрированных фактов конокрадств в регионе (423 из 694), что было обусловлено учетом милицией и уголовным розыском лошадей, украденных из других территории [1, л. 6].

Указанные причины искажения статистики были обусловлены недостатками органов управления и отсутствием единой системы учета преступлений, но в целом отражали общие тенденции.

Изучение статистических материалов в 1923–1925 гг. свидетельствует о постепенном снижении числа конокрадств в губернии. Так, если в 1923 году правоохранительными органами (милицией и уголовным розыском) в регионе было зарегистрировано 2058 конокрадств [1, л. 7 об.], то в 1925 году их число сократилось в 2 раза и составило 1010 фактов [14, л. 5, 8].

В 1923 году уголовным розыском было зарегистрировано 1325 конокрадств. Раскрывалось почти каждое третье преступление (475 или 35,8%) [15, л. 31; 16, л. 57]. В 1924 году число зарегистрированных конокрадств сократилось в 2 раза (661), их раскрываемость составила 28% (187) [9, л. 296]. При этом в губернии летом 1924 года отмечался рост конокрадств, который был обусловлен слухами о новой волне голода [1, л. 10 об.]. В 1925 году, по данным уголовного розыска, снижение конокрадств продолжилось (230). Эффективность работы оперативной службы повысилась, раскрывалось каждое второе преступление (108) [14, л. 5, 8].

Анализ территориальной распространенности конокрадств в губернии показал, что на Самару с Самарским уездом и Бугурусланский уезд приходилось более 2/3 от всех зарегистрированных фактов краж лошадей [14, л. 8 об.].

Самара и Самарский уезд являлись не только экономическим, но и криминальным центром губернии. В материалах правоохранительных органов отмечалось, что Самара и Самарский уезд в рассматриваемый нами период являлись центрами купли-продажи лошадей, украденных как в губернии, так и из других регионов (Симбирской и Пензенской губерний) [11, л. 409 об.; 1, л. 11; 2, с. 3].

Факторами, способствующими распространению конокрадств в Бугурусланском уезде, являлись: транзит скота из Сибири и из Автономной Татарской Советской Социалистической Республики в губернию через территорию уезда, малочисленность волостных милиционеров [9, л. 5; 11, л. 157 об.–158], криминальная активность «тюрокского населения уезда» [17, с. 3]. В материалах губернской прокуратуры, подчеркивалось: «... громадный процент среди конокрадов, с одной стороны, рецидивистов, а с другой – татар и башкирцев... причина распространения столь большого распространения конокрадства в Самарской губернии кроется в национальной психологии татар, башкирцев и киргизов, еще совсем недавно ведущих кочевую жизнь и не утеревших взгляды на конокрадство не как на преступление, а как на достойное похвалы молодчество» [1, л. 15 об.].

Анализ динамики конокрадств показал, что их распространенность имела также и сезонные особенности. В рассматриваемый нами период наибольший рост краж скота приходился на осень [10, л. 14 об.;

11, л. 157 об.–158]. В материалах губернского уголовного розыска отмечалось: «... период осени является самым благоприятным к его (конокрадства – прим. авт.) увеличению. ...В этот период года еще увеличивается естественным образом, а именно: долгота и темнота ночей, оставление на подножном корму на ночи, без какого бы то ни было надзора, ненастье, сглаживающее следы преступления и т.п.» [3, л. 30].

Изучение архивных материалов показало, что основными мерами борьбы с конокрадством в рассматриваемый период в губернии являлись: учет и надзор за местами купли-продажи скота, преступным элементом, проведение облав, проверка базаров и постоянных дворов, проверка учетных конских карточек при купле-продаже лошадей [11, л. 409; 18, л. 148]. Осенью 1924 года проблема распространения конокрадства неоднократно рассматривалась органами прокуратуры и правопорядка [3, л. 33].

Так, по итогам межведомственного совещания, состоявшегося 2 октября 1924 года, правоохранительным и судебным органам предписывалось при рассмотрении дел о конокрадах усилить репрессивные меры, организовать столы розыска в г. Троице, с. Ставрополе, пос. Кинель и выделить для работы в них «стойких товарищей по сыску», временно усилить волостные отделы милиции транспортными средствами, рассматривать случаи конокрадства по «горячим следам», подвергнуть проверке отдельные категории граждан (лесников, объездчиков, кочевых цыган), а также постоянные дворы и заезжие дома. Низовым партийным ячейкам предписывалось активизировать пропагандистскую и разъяснительную работу среди населения. Органы, отвечающие за учет конских карточек, должны были усилить контроль за выдачей и хранением учетных документов [19, л. 204; 9, л. 57–57 об.].

Изучение динамики конокрадств показало, что вышеуказанные меры, в сочетании со стабилизацией социально-экономического положения губернии, кадровым и материальным укреплением правоохранительных органов, позволили снять остроту проблемы конокрадств в регионе.

Анализ проблемы конокрадств в 1923–1925 гг. в Самарской губернии позволил установить следующее.

Конокрадство в регионе было вызвано комплексом причин социально-экономического, организационного характера, среди которых значительное влияние оказывали «местные» факторы (сезонные колебания конокрадств, деятельных шаек профессиональных конокрадов, криминальная активность представителей тюркских народов в отдельных уездах).

Особенности учетно-регистрационной системы преступлений приводили к искажению статистических показателей конокрадств, но в целом отражали общую картину в губернии.

Реализация мер, направленных на борьбу с конокрадством в губернии, в сочетании с повышением эффективности деятельности местных органов милиции и уголовного розыска (ростом раскрываемости) привела к снижению показателей конокрадств к середине 1920-х годов. Во второй половине 1920-х годов на первый план борьбы местных органов правопорядка выйдут проблемы самогоноварения и хулиганства.

Список литературы:

1. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф-4253. Оп. 1. Д. 1.
2. Гс. Преступная Самара. Итоги Самгуброзыска за первое полугодие 1923 г. // Коммуна. 1923. 26 июня.
3. ЦГАСО. Ф-98. Оп. 1. Д. 835.
4. ЦГАСО. Ф-81. Оп. 1. Д. 630.
5. Н.Д. По базарам Самарской губернии // Коммуна 1925. 17 апреля.
6. Н.Д. По базарам Самарской губернии // Коммуна 1925. 6 мая.
7. Итоги десятилетия советской власти в цифрах. 1917–1927. М.: Центр. стат. упр. СССР, 1927. 520 с.
8. ЦГАСО. Ф-166. Оп. 1. Д. 247.
9. ЦГАСО. Ф-98. Оп. 1. Д. 995.
10. ЦГАСО. Ф-857. Оп. 5. Д. 125.
11. ЦГАСО. Ф-166. Оп. 1. Д. 155.
12. ЦГАСО. Ф-98. Оп. 1. Д. 996.
13. ЦГАСО. Ф-98. Оп. 1. Д. 688.
14. ЦГАСО. Ф-857. Оп. 6. Д. 1.
15. ЦГАСО. Ф-98. Оп. 1. Д. 810.
16. ЦГАСО. Ф-281. Оп. 1. Д. 140.
17. Разуваев К. Конокрадство в Самарской губернии // Коммуна. 1925. 19 мая.
18. ЦГАСО. Ф-98. Оп. 1. Д. 993.
19. ЦГАСО. Ф-81. Оп. 1. Д. 69.

**HORSE STEALING IN THE SAMARA PROVINCE
IN 1923–1925**

© 2018

Gizatulin Shamil Takhirovich, candidate of historical sciences

*The Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in the Samara Region
(Samara, Russian Federation)*

Abstract. This paper considers the problem of horse stealing in the Samara province in 1923–1925. The author conducted a study of causes and dynamics of horse thefts in the region, as well as of measures of the law enforcement agencies with a criminal activity. The paper shows the factors that contributed along with the generally unfavorable socio-economic conditions of the 1920s years to the growth of this type of crime in the region. On the basis of statistical indicators of militia and criminal investigation the author has studied methods of horse thefts in the province, the reasons for the growth of this type of crime in 1923 and the decline by the end of 1925. The paper considers problems of professional horse stealing and ethnic crime (criminal activity of representatives of the Turkic peoples). The author has revealed seasonal and spatial characteristics of the prevalence of cattle theft and established «centers» of horse theft in the province (Samara, Samara and Buguruslan Districts), as well as analyzed efficiency of militia activity and criminal investigation department of Samara province in the fight against this crime. The paper also contains the drawbacks in the organization of activities of local authorities, law enforcement and the court, as well as measures taken by the provincial authorities for the suppression of horse stealing in the period.

Keywords: horse stealing; theft of livestock; crime factors; crop failures; law enforcement; police; criminal investigation department; village councils; professional crime; criminal statistics; dynamics of crime; seasonality of crime; territorial prevalence; Samara province; counties; Samara.

УДК 930.2:929:001.32"388"

Статья поступила в редакцию 26.10.2017

**«...Я УНЕС С ЮБИЛЕЯ АКАДЕМИИ НЕУГАСИМУЮ ИСКРУ ЛЮБВИ К НАУКЕ...»
(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ П.В. ИВАНОВА – ЮНОГО УЧАСТНИКА
200-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК)**

© 2018

Бровина Александра Александровна, кандидат исторических наук,
заведующий отделом гуманитарных междисциплинарных исследований

Егорова Светлана Львовна, кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела гуманитарных междисциплинарных исследований
Коми научный центр УрО РАН (г. Сыктывкар, Российская Федерация)

Аннотация. Данная статья посвящена одной из знаковых страниц в истории академической науки – 200-летию юбилею Академии наук СССР. Широкая программа «праздника науки» в международном масштабе, с приглашением иностранных ученых, указала на научное и политическое значение события, как для поднятия престижа Академии наук, так и для демонстрации международному сообществу лояльности научной элиты к новой власти. Исследователи неоднократно обращались к анализу этого мероприятия и подчеркивали его значение. Однако в преддверии очередного юбилея небезынтересно показать это событие с неофициальной позиции, привлекая источники личного происхождения. Основное внимание в статье уделено неопубликованным воспоминаниям Павла Владимировича Иванова (1906–1990 гг.), ученого-педагога, доктора педагогических наук, профессора, заслуженного учителя Карельской АССР. В 1925 г. он, юный краевед из г. Солигалича Костромской губернии, стал участником юбилейных академических торжеств. Впечатления, вынесенные от этого события, предопределило его дальнейшую судьбу и выбор профессии. П.В. Иванов, пройдя путь от ученика сельской школы, увлеченного краеведением, до школьного учителя, а затем и профессора университета, закладывал в своих студентах – будущих учителях – мысль о необходимости воспитывать у учащихся интерес, любовь и стремление к юннатской, краеведческой, научно-исследовательской работе.